

*Епископ Силуан (Никитин), протоиерей Георгий Митрофанов,
протоиерей Владимир Хулап, протоиерей Константин Костромин,
протоиерей Димитрий Юревич, священник Димитрий Лушников, Е. М. Гундяева*

Перспективы духовного образования в Санкт-Петербургской духовной академии

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_22

Аннотация: Публикация подготовлена на основе стенограммы выступлений участников круглого стола, состоявшегося 22 апреля 2021 года и посвященного современному состоянию и перспективам духовного образования в Санкт-Петербургской духовной академии.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская духовная академия, духовное образование.

Участники обсуждения:

Епископ Петергофский Силуан (Никитин Сергей Сергеевич)

Кандидат богословия, доцент, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии.

E-mail: f.siluan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1445-4703>

Протоиерей Георгий (Юрий) Николаевич Митрофанов

Доктор богословия, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: mitrophanov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3561-864X>

Протоиерей Владимир Федорович Хулап

Доктор богословия, профессор, проректор по учебной работе Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: vladimir_khoulap@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1621-288X>

Протоиерей Константин Александрович Костромин

Кандидат богословия, кандидат исторических наук, доцент, проректор по научно-богословской работе Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431>

Протоиерей Дмитрий Викторович Юревич

Кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой библеистики Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: d.yurevich@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9710-1892>

Священник Дмитрий Юрьевич Лушников

Кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: hram-sretenya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7985-1371>

Елена Михайловна Гундяева

Декан факультета церковных искусств, проректор по культуре Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: prorektor.kultura@gmail.com

Ссылка на статью: Силуан (Никитин), еп., Митрофанов Г., прот., Хулап В., прот., Костромин К., прот., Юревич Д., прот., Лушников Д., свящ., Гундяева Е. М. Материалы круглого стола, посвященного перспективам духовного образования в Санкт-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 22–32.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2021

*Bishop Siluan (Nikitin), Archpriest Georgy Mitrofanov,
Archpriest Vladimir Khoulap, Archpriest Konstantin Kostromin,
Archpriest Dimitry Yurevich, Priest Dimitry Lushnikov, E. M. Gundyayeva*

**Prospects for Theological Education
at the St. Petersburg Theological Academy**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_22

Abstract: The publication was prepared on the basis of the transcript of the speeches of the participants of the round table held on April 22, 2021, and dedicated to the current state and prospects of theological education at the St. Petersburg Theological Academy.

Keywords: St. Petersburg Theological Academy, theological education.

Participants of the discussion:

Bishop Siluan of Peterhof (Sergey Sergeevich Nikitin)

Candidate of Theology, Associate Professor, Rector of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: f.siluan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1445-4703>

Archpriest Georgy (Yuri) Nikolaevich Mitrofanov

Doctor of Theology, Candidate of Philosophy, Professor, Head of the Department of Church History of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: mitrophanov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3561-864X>

Archpriest Vladimir Fedorovich Khoulap

Doctor of Theology, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: vladimir_khoulap@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1621-288X>

Archpriest Konstantin Alexandrovich Kostromin

Candidate of Theology, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Research of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431>

Archpriest Dmitry Viktorovich Yurevich

Candidate of Theology, Associate Professor, Head of the Department of Biblical Studies of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: d.yurevich@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9710-1892>

Priest Dmitry Yurievich Lushnikov

Candidate of Theology, Associate Professor, Head of the Department of Theology of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: hram-sretenya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7985-1371>

Elena Mikhailovna Gundyayeva

Dean of the Faculty of Church Arts, Vice-Rector for Culture of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: prorektor.kultura@gmail.com

Article link: Bishop Siluan (Nikitin), Mitrofanov G., archpriest, Khoulap V., archpriest, Kostromin K., archpriest, Yurevich D., archpriest, Lushnikov D., archpriest, Gundyayeva E. M. Prospects for Theological Education at the St. Petersburg Theological Academy. *Khristsianskoye Chteniye*, 2021, no. 3, pp. 22–32.

Протоиерей Константин Костромин: Ваше Преосвященство, дорогие коллеги! Мы начинаем заседание круглого стола, посвященного обсуждению перспектив духовного образования в Санкт-Петербургской духовной академии. Повод для разговора подает нам юбилей — 300 лет назад в Александро-Невском монастыре была открыта школа, из которой впоследствии выросли Петербургская духовная семинария, главная семинария и, наконец, академия. Конечно, перенос столицы в город на Неве не мог не сказаться на нашей духовной школе положительно — она знает и периоды расцвета науки, многочисленных славных выпускников, сонм новомучеников, получивших свое духовное развитие в стенах наших Академии и семинарии, и периоды трудностей и даже прекращения деятельности после прихода к власти большевиков. Однако Академия была возрождена сразу, как только это оказалось возможным. Нельзя не вспомнить о трудных, но благословенных годах в послевоенном Советском Союзе, где в одной Академии трудились выпускники дореволюционной Академии и теологических факультетов «буржуазных» стран, профессора со светским опытом работы и бывшие сотрудники Псковской духовной миссии, люди с исключительно церковным и советским высшим образованием. Наконец, и 1990–2010-е, которым мы являемся свидетелями, также не прошли даром: Академия сохраняет статус «первенствующей» духовной школы Русской Православной Церкви.

Как сохранить приобретенное? Как быть востребованными в настоящем? Как достичь новых высот в будущем? Об этом мы и поговорим сегодня.

Духовные школы & светская теология

Протоиерей Константин Костромин: Первый вопрос, который я хотел бы вынести на обсуждение, таков. В течение последних 20 лет Церковь боролась за право выдавать дипломы, признанные государством. Вопрос был решен введением теологии сначала в перечень специальностей высшего образования, — и для нее был написан федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС), а затем и в номенклатуру научных специальностей. Результатом стала не столько возможность для Церкви встроиться в современное общество, сколько появление «светских теологий», каковые теперь в вузах преподают историки, философы, культурологи. Как духовные школы могут сохранить свое особенное лицо, когда теология стала светской специальностью и растет конкуренция?

Епископ Силуан: Сложный вопрос. Неочевидно, что конкуренция действительно есть. Кого готовят духовные школы? Будущих пастырей. Их не готовят светские вузы, даже с аккредитованной теологической программой. А кого готовят кафедры «светской теологии»? Трудно сказать. Поэтому я бы не стал сгущать краски. Вопрос в другом: что нам дает государственная аккредитация? Видимо, ответ нужно искать в том, что государственная аккредитация в принципе открывает двери на работу, признаваемую государством: в школу, детский сад, вуз, больницу, хоспис, дом престарелых, спортивную или музыкальную школу, армию и проч. Формы социального служения духовенства могут реализовываться только в том случае, если у духовного образования есть государственное признание или даже поддержка. Здесь у духовных вузов даже есть преимущество: они имеют, помимо государственной аккредитации, и церковный статус, которого лишены светские вузы.

Протоиерей Владимир Хулап: Мне кажется, такое решение имело как положительные, так и негативные последствия для духовного образования. С одной стороны, речь идет о долгожданном признании церковного богословского образования со стороны государства, его выходе из многолетнего «гетто», развитии междисциплинарных исследований. Однако работа по ФГОсам привела к значительному росту документооборота, необходимости постоянного обновления документации ввиду выхода новых нормативных актов и т. д. За этими постоянно меняющимися внешними

требованиями, действительно, очень легко потерять самое главное — специфику церковного образования, которая предполагает не просто получение определенного объема знаний или «компетенций», но подготовку именно к церковному служению, как пастьерскому, так и в других областях современной церковной жизни. И ответственность за это, с христианской точки зрения, мы несем не перед Рособрнадзором, но перед Богом.

Светская теология не может дать очень многого из того, что предлагает духовное образование: нескольких лет пребывания в стенах духовного учебного заведения, опыта совместных богослужений, общения с преподавателями не только в аудиториях, но и на приходских площадках, в т. ч. в рамках гомилетической, социальной, педагогической практики. Поэтому духовное образование всегда будет сохранять свою «нишу». Я думаю, возможным решением было бы предоставление возможности духовным учебным заведениям (или, по крайней мере, ведущим — академиям) вести образовательную деятельность по т. н. «собственным образовательным стандартам», которые также признаются государством, однако позволяют лучше учесть имеющуюся специфику и накопленный столетиями опыт.

Священник Димитрий Лушников: Вопрос поставлен не вполне верно, поскольку само понятие «светская теология» не вполне внятно и, при неправильном истолковании, может содержать в себе внутреннее противоречие. Теолог лишь тогда теолог, когда определена его конфессиональная принадлежность, когда он опирается на авторитетно-конфессиональный дискурс, иначе он просто перестает быть теологом.

Как известно, источниками христианского богословского познания являются Священное Писание и Священное Предание, адекватное восприятие которых просто немыслимо без реальной принадлежности к Церкви. Поэтому «светский» в данном контексте — если мы говорим о христианской теологии — никак не может означать «секулярный», «внецерковный». Если допустить последнее, то речь уже не может идти о теологии, а только о религиоведении, философии религии и религиозной философии, т. е. науках по определению светских.

Что касается возможной конкуренции духовных школ с другими образовательными и научно-исследовательскими учреждениями, так или иначе причастными к теологии, то судить об этом я могу на примере фундаментальной теологии, или основного богословия. Родственной данной академической дисциплине является философская теология, которая есть именно светский, т. е. не духовно-академический, вариант рациональной теологии, представляющий собой некий теоретический дискурс, субъект которого ставит и решает теологические проблемы с исходным и преимущественным использованием философских ресурсов. При этом для настоящего философского теолога особое значение имеет разработка собственных авторских решений теологических проблем и сохранение тонкого баланса между сферами индивидуального разума и «разума соборного», т. е. церковного.

Опыт показывает, что, например, тесное взаимодействие и сотрудничество фундаментальных теологов Духовной академии с философскими теологами Института философии РАН не только не ослабляет позиций академической рациональной теологии, но, напротив, через плодотворное сотрудничество способствует укреплению и развитию последней.

Протоиерей Димитрий Юревич: Я тоже думаю, что духовным академиям не следует бояться конкуренции между «церковным богословием» и «светской теологией». Важно правильно себя позиционировать, четко обозначать цели, осознавать свои плюсы и понимать, что со стороны может быть воспринято как минусы. Богословие, которое изучается и развивается в духовных академиях, прежде всего отвечает нуждам и задачам Церкви. Оно не может быть ни сведено к интеллектуальному жонглированию, ни полностью оторвано от реальностей жизни. «Только в грёзы нельзя насовсем убежать: краткий век у забав — столько боли вокруг!» (В. С. Высоцкий), — таков путь церковного богословия.

Одним из важнейших следствий данного факта является глубокая интегрированность богословских дисциплин. Например, изучение Священного Писания сегодня осуществляется на самом высоком филологическом уровне, с учетом новейших исторических и археологических исследований, — однако всегда построено так, чтобы эти знания выпускник Академии смог передать простым верующим путем популяризации в самых разных формах — в проповеди, в пастырской беседе, в лекциях на приходе. Поэтому изучение Библии мыслится в неразрывной связи с познанием богословия, литургики, пастырской практики и истории Церкви. Доколе существует Церковь, будет востребовано и церковно-ориентированное богословие.

Елена Михайловна Гундяева: Совершенно согласна с предыдущими репликами. Противопоставление «богословия» и «теологии» неправильно, так как основа «светской теологии» — это богословие. Давайте будем придерживаться русского языка, зачем использовать перевод? Если же так необходимо называть богословие «теологической наукой», то давайте не будем забывать, что речь идет о традиционном богословии, которое должно основываться на традиции, должно исходить из церковных учебных заведений — наших духовных академий и церковного бакалавриата (семинарий). Это очень важно, потому что люди, изучающие данную науку, несут не только знание, но украшают своим внутренним миром и образом жизни, своей «церковностью» и своей нравственностью все то, что постигают. Богословская (теологическая) наука без нравственности — это «медь звенящая». Что касается светских учебных заведений — они никогда не будут альтернативой духовным учебным заведениям, потому что они дают всего лишь сумму знаний. А сумма знаний, как вы знаете, даже интеллигентности не дает, не говоря уже о церковности, нравственности и духовной наполненности образа жизни.

Протоиерей Георгий Митрофанов: Думается, что одним из наиболее действенных средств сохранения «лица» духовными школами было бы не приспособление богословского образования к требованиям федерального государственного образовательного стандарта «теология», а как сохранение традиций предшествующего русского богословского образования, так и привнесение в духовные школы опыта современного западного богословского образования. Право Церкви выдавать дипломы, признанные государством, должно быть связано с тем, чтобы, получая традиционное богословское образование, студенты духовных школ вместе с богословскими дипломами, не имеющими государственной аккредитации, получали бы дипломы по какой-либо аккредитованной гуманитарной специальности: истории, философии, филологии, психологии, даже религиоведению. Именно пути получения таких дипломов должны стать предметом общего обсуждения.

Протоиерей Константин Костромин: Да, равнодействующую в таком сложном вопросе найти трудно. Когда-то получение диплома, дающего право посещать библиотеку или архив, школу или больницу, с возможностью там работать, казалось возжеленной целью. Не очень задумывались над тем, как лучше добиться желаемого результата. Теперь выходит, что не все средства были хороши и реализованный путь не только не был единственным, но, возможно, и не был лучшим. Впрочем, «после драки кулаками не машут», теперь нам нужно думать, как жить с тем приобретением, которое имеем.

Мотивация поступления в духовные школы

Протоиерей Константин Костромин: Как известно, аккредитованный вуз живет во многом тем, что может претендовать на бюджетные места для своих абитуриентов. Несмотря на появление конкуренции и трудности, о которых мы уже говорили, абитуриенты в духовных школах есть. Трудно сказать, с чем связано то падение их числа,

то раст, тем более что у разных духовных школ своя статистика. Что ценят идущие в академию учиться студенты? Чего ждет от духовной академии Русская Православная Церковь?

Епископ Силуан: Мне кажется, что основные мотивы поступающих понятны. Их можно условно разделить на негативные и позитивные. Негативные связаны с тем местом в негласном рейтинге вузов и, затем, профессий, которое занимают духовные школы и церковная среда, а также качеством преподавания. Мы вынуждены считаться с тем, что обучение в духовных семинариях или даже академиях сегодня непрестижно. Кроме того, качество преподавания в региональных духовных школах часто оставляет желать лучшего. Это так или иначе влияет и на нашу Академию. Во-первых, снижение качества часто связано с тем, что старые методы преподавания слишком медленно вытесняются современными — это косвенный результат консерватизма, свойственного церковному сознанию. Во-вторых, отчасти страдает магистратура, в которую поступают порой очень слабые абитуриенты, выпускники региональных семинарий. Кроме того, мы должны иметь в виду и то, что современная школа готовит абитуриентов в какие угодно вузы — медицинские, физико-математические, литературные, исторические, — но только не в духовные.

Среди позитивных тенденций я бы выделил, прежде всего, оборотные стороны негативных: чтобы поступить в духовные школы, нужно получать дополнительно знания, которых не дают в школе, а это требует от потенциального абитуриента определенной настойчивости. Ему приходится смириться с тем, что он выбирает особенный путь (на него близкие, в том числе друзья, одноклассники будут смотреть как на человека необычного), что он себя как бы недооценивает, отказываясь от поступления в престижный светский вуз. В известной степени абитуриент в духовные школы становится на путь самоотречения. И это хорошо. Тем самым он готовится к служению Церкви, христианской идее, а не просто идет в наемники.

Елена Михайловна Гундяева: Что касается количества поступающих — это прежде всего вопросы рождаемости и демографических ям, что неизбежно отражается на всех учебных заведениях. А вот если говорить о воспитании в секулярной системе ценностей, то она, конечно же, влияет на выбор молодого человека. Полностью согласна с владыкой — Русской Православной Церкви необходимы служители, которые бы несли Слово Божие так, как это следует делать, учитывая и сегодняшний день, и опираясь на наши традиции и преемственность. Потому как люди, получившие церковное, богословское образование, являются теми точками опоры, на которые Церковь всегда опиралась и будет опираться в служении народу и Христовой Церкви.

Протоиерей Георгий Митрофанов: А вот я не могу полностью согласиться с владыкой Силуаном. К сожалению, у многих студентов, поступающих в Академию, отсутствует серьезная внутренняя мотивация получать фундаментальное научное образование. Их поступление в Академию определяется самыми различными карьерно-жизненными обстоятельствами, а образовательный уровень большинства из них, причем не только выпускников провинциальных семинарий, не позволяет им интенсивно заниматься в духовной академии. И это при том, что профессиональный уровень многих преподавателей академий также оставляет желать лучшего...

Протоиерей Димитрий Юревич: Отец Георгий, нужно ли так стучать краски?! Я думаю, проблема в другом. Современные студенты, особенно уровня бакалавриата, совершенно не знакомы с понятием «информационного вакуума» — почти вся информация, которая предлагается им для изучения, в том или ином виде доступна в интернете. Поэтому задача преподавателя сегодня стала сложнее: не только передать знания, «гигабайты информации», но дать верное видение, правильный ракурс, нужную интерпретацию. Правильный ракурс — это церковность, нахождение

в традиции русского академического богословия, восприятие образа мысли древних отцов. Студенты очень ценят, когда педагог учит их «перебрасывать мостики» — устанавливать связь между изучаемыми темами и другими дисциплинами, а также и проблемами современной жизни. Ценят «обратную связь», когда преподаватель готов честно отвечать на самые неудобные вопросы, — однако это требует от наставника глубины владения материалом и моментальной интеллектуальной реакции.

Протоиерей Константин Костромин: Дорогие коллеги, мне кажется, по-своему правы все. С одной стороны, действительно, среди студентов попадаются яркие индивидуальности или носители несомненных талантов, которые должны служить Богу и Церкви. В то же время в любом вузе, наверное, хватает «серых», одинаковых хорошистов и троечников, которые просто ждут, когда им выдадут диплом. Поэтому скепсис отца Георгия справедливо будет перенести на все высшее образование, что часто и делают: какое же это высшее образование, если оно плодит посредственности? С другой стороны, средний уровень студента сегодня таков, что Академия выпускает вполне годных к церковному служению молодых людей.

Епископ Силуан: Самое главное, чтобы студент за годы обучения стал полностью церковным человеком. К сожалению, теперь нередко приходится ставить такую цель даже для тех студентов, которые являются выходцами из священнических семей. Зачастую они приходят в Академию совершенно светскими людьми. Наша задача прежде всего в том, чтобы дать им полноценный опыт церковной жизни, опыт молитвы, опыт общежития, когда студенты учатся «носить тяготы друг друга», опыт взаимопомощи. Только такая школа — школа жизни — поможет им стать настоящими священнослужителями или активными деятелями Церкви.

Протоиерей Димитрий Юревич: Владыка, позвольте, дополню Вашу мысль и мысль отца Константина одним соображением. Перед современным студентом зачастую стоит задача — не кропотливый и трудный поиск нужных знаний (например, путем чтения десятка бумажных книг в тишине читального зала), что было нужно раньше, лет 20–30 назад, а умение фильтровать тот информационный поток, который на него обрушивается в интернете: ведь и он не в последнюю очередь формирует будущего священника. Эта ситуация несет ряд потенциальных опасностей. Во-первых, отсутствие у студента понимания роли и задач преподавателя, поскольку почти все можно найти в сети. Во-вторых, неумение различать качественные и второсортные источники информации, что в перспективе грозит утратой связи с церковной традицией богословия. В-третьих, уменьшение интереса к научному исследованию как таковому, исходя из обманчивого впечатления «зачем что-то изучать, если уже практически все известно». Устранение этих опасностей — важнейшая задача Академии и ее преподавателей. Наряду с этим нужно отметить, что нынешние студенты хорошо владеют иностранными языками, более открыты к новациям, гибко адаптируются к сложным ситуациям и имеют высокий творческий потенциал.

Студенты духовных школ — вчера и сегодня

Протоиерей Константин Костромин: Коллеги! А какими были студенты в годы вашей учебы?

Протоиерей Георгий Митрофанов: В 70–80-е годы в духовных школах, следует признать, доминировали провинциальные студенты, преимущественно ориентированные на требоисполнительскую деятельность, часто происходившие из воцерковленных в духе обрядоверного благочестия семей. Образованные и мыслящие студенты были немногочисленны, но, как правило, расположены к интенсивному обучению и серьезному образованию — которого им, впрочем, недоставало как в светских вузах,

так и в духовных школах, — и были способны заниматься самообразованием, используя возможности учебного процесса в духовных школах. Большинство студентов того времени дорожили своим пребыванием в духовных школах и были ответственны. Чему в немалой степени способствовали трудности, которые многие из них преодолели на пути к поступлению в духовные школы, и давление со стороны государственных структур на учащихся духовных школ.

Кстати, если говорить о студентах последующих лет, то студенты 90-х годов были значительно более образованными, внутренне более свободными, часто самостоятельно мыслящими, однако нередко находившимися под влиянием неофитского энтузиазма, часто разрушавшегося рутинной церковной жизни, которая многим из них была совершенно незнакома. Студенты нулевых, 2010-х годов, часто не имея достоинств студентов 1970–80-х и столь не похожих на них студентов 90-х годов, сочетают в себе многие недостатки учащихся предыдущих десятилетий.

Протоиерей Владимир Хулап: Когда я поступал в Санкт-Петербургскую семинарию в 1992 году, мы находились в другой ситуации, поскольку начало 1990-х было временем тяжелого кризиса и духовного подъема одновременно. Поэтому абитуриенты той эпохи были разными: выпускники школ, люди с высшим образованием, нередко имевшие за плечами опыт работы и семейной жизни (причем не всегда удачный). «Смесь» весьма любопытная: в одной комнате жили 17- и 30-летние, дети священников и недавно воцерковившиеся ребята, граждане бывших союзных республик. Конечно, у каждого была своя мотивация для поступления в семинарию, однако это был осознанный личный жизненный выбор, часто означавший разрыв многих прежних связей. Большинство же сегодняшних абитуриентов — вчерашние школьники, выросшие в совершенно других условиях, поэтому проводить сравнение довольно сложно. Наверное, мое поколение абитуриентов было более «взрослым» не только по возрасту, но по отношению к жизни, по постановке вопросов, по тем книгам, которые мы читали.

Протоиерей Дмитрий Юревич: Поддержу отца Владимира. Среди студентов 1990-х было огромное количество тех, кто не сразу нашел свой путь к Церкви, у большинства за плечами был опыт светского высшего или среднего профессионального образования. Изучение предметов в духовных академиях им давалось легко и ложилось на благодатную почву жизненного опыта. Они ценили возможность учиться, с немалым пиететом относились к преподавателям, ведь последние зачастую являлись носителями уникальных знаний.

Дистанционное обучение — за или против

Протоиерей Константин Костромин: Отец Дмитрий Юревич поднял интересный вопрос — об источнике знаний у студентов. Надо признать, что современный студент совершенно иначе оценивает поступающую информацию, у него нет того пиетета перед печатным словом, который был свойствен даже студентам начала 2000-х, он не выделяет ценности библиотеки (своей личной или общедоступной, бумажной или электронной — копить последнюю становится все труднее, поскольку и количество изданий выросло в разы, в десятки раз). Меняется и роль преподавателя. Все чаще говорят о том, что преподаватель должен не столько делиться знаниями, сколько учить учиться.

Новую актуальность этим вопросам придала эпидемия коронавируса, которая заперла преподавателей и студентов по домам. К этому времени уже был поставлен вопрос и о целесообразности сохранения заочного образования. И если по инерции до последнего времени очное образование ценилось выше — хотя различные формы дистанционного, заочного и сетевого образования активно развивались, — то эпидемия поставила вопрос ребром: в течение года студенты вынуждены были, хотели

они того или нет, получать образование в дистанционном формате. Возник естественный вопрос: студент и преподаватель — как выстраивается диалог и нужен ли он? Или достаточно, чтобы был компьютер, интернет и своеобразный «путеводитель» по всемирной сети?

Протоиерей Димитрий Юревич: Введение дистанционной формы обучения не только создало проблемы — оно принесло и доселе невиданные блага, о которых и хотелось бы сказать, иначе картина будет неполной.

Нет препятствий для использования имеющихся наглядных материалов — фотографий и видеозаписей. Удобной является не только виртуальная доска, но и возможность моментально продемонстрировать скан той или иной книги, выводить на экран текст Св. Писания через интерфейс библейской программы. Автоматическая видеозапись лекций дала преподавателю возможность создать собственный банк лекционного материала — как для использования в будущем в случае отсутствия (болезнь, командировка), так и для просмотра с целью самоанализа и профессионального роста.

В диалоге со студентами тоже не вижу серьезных проблем: дистанционная форма предполагает элемент интерактивности. Преподавателю необходимо постоянно прощупывать «обратную связь» и быть готовым ответить на разные — и глупые, и каверзные — вопросы студентов. Здесь дистант не помеха! Поэтому не соглашусь с тем, что при дистанционной форме сильно страдает передача знаний и опыта от преподавателя к студенту.

В то же время многие традиционные формы контроля через дистант невозможны, а те инструменты, которые доступны, не позволяют с привычной и желаемой точностью оценить знания студентов. «Обратная связь» в смысле оценки знаний, конечно же, затруднена.

Протоиерей Владимир Хулап: Мне кажется, это был очень важный и ценный опыт, который прежде всего помог понять важность личного контакта в рамках образовательного процесса. Очень сложно читать лекцию, глядя в монитор компьютера и не всегда понимая, чем в это время занимаются студенты; еще сложнее проводить семинары, хотя и это возможно. Поэтому выстраивание диалога во многом зависит от обеих сторон, а технические средства здесь вторичны. Для преподавателей это была хорошая возможность посмотреть на свой курс «со стороны», подумать о том, как сделать его более интерактивным и живым, какие дополнительные методические средства можно использовать. Студенты должны были научиться правильно планировать свое время, поскольку нахождение дома — это не каникулы, а продолжение обучения; объем осваиваемого материала и письменных заданий не уменьшился, но вырос. Тем самым, это хороший тест на их ответственность и самоорганизованность.

Протоиерей Георгий Митрофанов: Формы дистанционного обучения должны увеличивать свое присутствие в системе заочного образования. Однако для очного образования, уверен, они оказываются просто разрушительными, подменяя процесс живого, основанного на необходимом для современного гуманитарного образования свободном и интенсивном диалоге, имитацией обучения. И, не будем забывать, все это усиливается общей неподготовленностью преподавателей и студентов к использованию этих форм обучения.

Наука & вера

Протоиерей Константин Костромин: На мой взгляд, современное образование ставит перед нами, преподавателями, и перед нашими студентами множество вопросов. Прежде всего — своеобразный сциентизм, преклонение перед точными, естественными науками, оборотными сторонами которого становятся кризис гуманитарного знания, противопоставление мнимого объективизма наук материальных

субъективизму гуманитарных, и, как следствие, противопоставление «объективной», якобы почти всесильной науки религиозной «антинаучности».

Все это представляется не надуманной проблемой. Вспомним, что научное мировоззрение формировалось в Европе в течение XIX века, однако не его прививали воспитанникам семинарий и даже студентам академий. Материализм советской эпохи строился на научной основе, сколь бы идеологизированной ни была декларация этой научности. Почему сегодня, когда XIX век с его прорывами и советская идеология позади, доверия науке не стало меньше? Или теология тоже должна занять свое место в сциентистской картине мира? Почему сегодня студент духовной школы должен ценить знания, положенные на научную основу, о которой говорил отец Георгий? Как относиться студенту к тем категориям религиозной жизни, которые наукой не измеришь и не передашь: личный опыт богообщения, аскетическая практика, восприятие чуда, неизменяемые догматы веры (при изменяемости научного знания)?

Епископ Силуан: Полагаю, одно другому не мешает. Продукты научного знания окружают нас повсюду. Религиозная жизнь, общение с Богом, соблюдение заповедей — это то, что касается в первую очередь души человека. Вопрос, скорее, в другом. Как сделать так, чтобы студенты ощущали веру как живое мировосприятие, как образ жизни и мысли? Догматическое богословие в его старых школьных формулировках, идущих из XIX, а иногда и из XVIII века, плохо воспринимается современным поколением, ориентированным на «клиповое», как сегодня говорят, восприятие. А ведь для святителя Филарета (Дроздова) оно было по-настоящему живым! Вот тот опыт, который нужно перенимать. Тогда и не возникнет противопоставления науки вере.

Протоиерей Георгий Митрофанов: Добавлю к этому, что одним из важнейших признаков подлинной интеллектуальной культуры всегда было наличие способности проводить четкую грань между истинами, предполагающими доказательную обоснованность и аксиоматическое принятие, между категориями катафатического и апофатического дискурса, между тем, что Габриэль Марсель называл проблемой и тайной. К сожалению, этот признак практически утрачен в рамках образовательного процесса духовных школ.

Священник Димитрий Лушников: Вера и разум никогда не противоречили, а лишь взаимодополняли друг друга. Получение теоретических знаний студентами в рамках обучения в стенах Духовной академии своей конечной целью имеет выработку умения донести истины христианского Откровения окружающему миру. А это, в свою очередь, предполагает приобретение навыков умственной работы, позволяющей обосновать христианское благовестие в рациональном дискурсе.

Однако теология как таковая находится в глубочайшей связи с природой христианской веры, поэтому профессиональное богословское образование никак не отменяет главной цели жизни христианина — соединения с Богом, или обожения, т. е. вхождения в Божественную реальность. Более того, занятия богословием, как и собственно священническое служение, немислимы без личного духовно-нравственного совершенствования, которое сопровождается очищением от страстей и освобождением от рабства греху. Поэтому личный опыт богообщения и реальная аскетическая жизнь являются необходимым условием для изучения богословия, т. к. только они способны обеспечить адекватное восприятие и усвоение богословских истин.

Протоиерей Димитрий Юревич: Отец Константин! Если науку понимать в строгом смысле этого слова — как верифицируемые эмпирическим путем области человеческого знания, то не только богословие, но и другие гуманитарные дисциплины (история, философия и т. д.) не могут быть признаны научными. Такая позиция принята в англоязычной среде, где богословие классифицируется как arts,

но не как science. Поэтому более точно и правильно говорить о научных методах в гуманитарных дисциплинах.

Философская герменевтика XX века (см. работы Х.-Г. Гадамера) убедительно показала: при интерпретации человеческих текстов (неважно, сакральных или профанных) невозможна никакая «объективность». Результат деятельности исследователя зависит от двух важных составляющих — аксиоматики (теоретических предпосылок, принимаемых без доказательств) и методов (конкретных алгоритмов работы с информацией). В этом отношении богословие ни в чем не уступает в своей «научности» (в указанном выше ограниченном смысле) ни религиоведению, ни философии.

Например, с религиоведением у богословия общий фактологический материал и ряд общих научных методов. Потрясающая разность в результатах интерпретации религиоведом и богословом происходит не оттого, что один из них «хороший», а другой — «плохой», один «ученый», а другой — нет. Различие в выводах связано с разной аксиоматической системой — первый исходит из того, что «идея Бога в расчет не принимается», второй — наоборот, исповедует Бога в формулировке догматов Вселенских Соборов. Первый объясняет новозаветные чудеса, например, как действие природных сил, а второй — как участие Бога в человеческой истории. И то, и другое утверждение являются научными в рамках выдвинутой аксиоматики. Подобное понимание нюансов «научности» студенты Академии изучают в разделах библейской герменевтики.

Протоиерей Константин Костромин: Важно, чтобы студенты смогли это понять и воспринять! Особенно с учетом того, что мы говорим о перспективах духовного образования. Вероятно, это и есть наша перспектива: быть в ногу со временем, иначе говоря — уметь отвечать на его запросы и его языком напоминать истины, данные нам Богом.

Ваше Преосвященство, дорогие коллеги! Разрешите поблагодарить вас за столь содержательный и интересный разговор. Уверен, что мысль о нашем прошлом, настоящем и будущем (а перспективы всегда опираются на ретроспективу) еще не реализуется в том или ином разговоре, посыле или действии и, Богу содействующу, духовные школы еще послужат славе Христовой Церкви.